International Scientific and Practical Conference Samarkand Institute of Economics and Service
Vol. 1 Issue 1 | pp. 234-237 **| ISSN:** XXXX-XXXX
Available online @ https://globalconf.net/index.php/samisi

Article

Green Transformation of Entrepreneurship and the Service Sector in the Context of International Economic Integration

Ganieva Zulfiya Samievna*[1]

1. Senior Lecturer, Department of "Econometrics," Samarkand Institute of Economics and Service, Republic of Uzbekistan

* Correspondence: zulfiyaganiyeva06@gmail.com; https://orcid.org/0009-0002-6791-3093

Abstract: This paper examines the "green" transformation of small businesses and the service sector as a prerequisite for deepening economic integration between Uzbekistan and the European Union. The EU's experience—including the European Green Deal, the Strategy for SMEs, and the Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM)—is analyzed in the context of Uzbekistan's national policies, the Enhanced Partnership and Cooperation Agreement (EPCA), and the country's WTO accession process.

Keywords: green economy, small business, service sector, GSP+, EPCA, CBAM, WTO, European Union.

Введение

На протяжении большей части XX века экономическая политика строилась по принципу «сначала рост, затем экология». С выходом доклада Комиссии Брундтланд «Наше общее будущее» [1] этот подход начал уступать место концепции устойчивого развития, в которой экономический рост, социальное благополучие и сохранение окружающей среды рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой системы. Сегодня эта концепция закреплена в правилах международной торговли. В 2019 г. ЕС принял Европейский зелёный курс с целью климатической нейтральности к 2050 г. [2], а механизм трансграничной углеродной корректировки (CBAM) с 1 января 2026 г. перешёл в окончательный режим и сделал углеродный след прямым условием импорта [4].

Для Узбекистана эти процессы развиваются во внешнем и внутреннем измерениях. Во внешнем — с 10 апреля 2021 г. страна пользуется преференциями ЕС GSP+ и взамен обязалась выполнять 27 международных конвенций, в том числе природоохранных [12]; 24 октября 2025 г. подписано EPCA, открывающее сотрудничество в «зелёной» экономике и в цепочках критически важного сырья [14]. Во внутреннем — действуют Стратегия перехода на «зелёную» экономику на 2019–2030 гг. [5] и Стратегия «Узбекистан — 2030» [6], а переговоры о вступлении в ВТО вышли на завершающую стадию [15].

Основными участниками этой интеграции становятся малый бизнес и сфера услуг: в январе–сентябре 2025 г. малое предпринимательство создало 51,5 % ВВП и 45,1 % добавленной стоимости сферы услуг [16]. Однако его готовность к «зелёным» требованиям торговых партнёров изучена слабо.

Citation: Samievna, G. Z. Green Transformation of Entrepreneurship and the Service Sector in the Context of International Economic Integration. International Scientific and Practical Conference Samarkand Institute of Economics and Service 2026, 1(1), 234-237.

Received: 24th Aug 2026
Revised: 26th Sep 2026
Accepted: 28th Oct 2026
Published: 22nd Nov 2026

Copyright: © 2026 by the authors. Submitted for open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Обзор литературы

В теории «зелёной» промышленной политики Р. Кемп и Б. Невер показывают, что «зелёный» переход не происходит стихийно и требует активной роли государства, а для развивающихся стран он одновременно риск и возможность ускоренного развития [7]; Т. Альтенбург и Д. Родрик обосновывают, что государство должно не только включать экологические издержки в цены, но и направлять становление новых отраслей [8]. «Зелёная» трансформация малого бизнеса: по оценке ОЭСР, без МСП нулевые чистые выбросы недостижимы, но из-за нехватки информации, финансов и компетенций они адаптируются медленнее крупных компаний [9]. По данным Всемирного банка, участие в глобальных цепочках есть основной путь роста для развивающихся стран, но оно требует соблюдения экологических и трудовых стандартов [10].

Методология исследования

Использован структурный анализ показателей малого предпринимательства [16; 17], сравнительный анализ инструментов политики и эконометрическое моделирование. Влияние GSP+ на экспорт Узбекистана в ЕС оценено по годовым данным 2015–2025 гг. (n = 11) [18]:

$$ln\, EX_t = \beta_0 + \beta_1 \cdot ln\, IMP^{EU}{}_t + \beta_2 \cdot t + \beta_3 \cdot GSP_t + \varepsilon_t$$

где EX_t — импорт ЕС из Узбекистана, млн евро; $IMP^{EU}{}_t$ — совокупный импорт ЕС из третьих стран (внешний спрос); t — тренд; GSP_t = 1 с 2021 г. Модель оценена МНК, стандартные ошибки скорректированы по Ньюи–Уэсту [19; 20]. Для проверки устойчивости та же модель оценена для экспорта ЕС в Узбекистан, на который GSP+ не распространяется (плацебо-тест).

Анализ и результаты

1. Малый бизнес — крупнейший, но не «зелёный» сектор. Сектор, который определяет инвестиционный, а следовательно технологический и экологический облик экономики, растёт медленнее крупных предприятий.

В ЕС малые и средние предприятия составляют 99,8 % всех компаний; в 2024 г. их реальная добавленная стоимость снизилась на 0,2 % при росте занятости на 1,1 % [11].

2. Отношения Узбекистана с ЕС за 2021–2025 гг. прошли путь от одностороннего режима GSP+ (беспошлинный доступ примерно по 66 % тарифных позиций [12]) через меморандум о стратегическом партнёрстве по критически важному сырью от 5 апреля 2024 г. [13] к подписанию EPCA и завершению двусторонних переговоров с ЕС по ВТО 24 октября 2025 г. [14]. На 13-м заседании рабочей группы ВТО 27–28 июля 2026 г. Узбекистан подтвердил цель завершить вступление в 2026 г. [15].

Товарооборот с ЕС вырос с 2 424 млн евро в 2020 г. до 5 519 млн евро в 2025 г., то есть в среднем на 17,9 % в год; экспорт Узбекистана в ЕС за тот же период увеличился с 200 до 1 012 млн евро, в 5,1 раза [18]. При этом в 2024 г. на ЕС приходилось лишь 7,2 % экспорта Узбекистана (второе место) и 10,4 % его внешнеторгового оборота (третье место) [14].

3. Цели ЕС и Узбекистана сближаются, но механизмы различны. В ЕС «зелёные» требования доходят до каждого предприятия через рыночные правила: обязательную отчётность, стандарты и CBAM [2–4]. В Узбекистане они пока реализуются преимущественно через государственные программы и добровольные стимулы, а отдельной программы «зелёной» поддержки малого бизнеса нет [5; 6]. EPCA и членство в ВТО будут сокращать этот разрыв: внешние требования начнут переноситься на внутренний рынок, и малому бизнесу придётся адаптироваться к ним.

4. Эконометрическая оценка эффекта GSP+. Результаты оценивания приведены в таблице 1.

Таблица 1. Оценка влияния GSP+ на торговлю Узбекистана с ЕС (МНК, 2015–2025 гг., n = 11)

Показатель	Модель 1: ln экспорта Узбекистана в ЕС	Модель 2: ln экспорта Узбекистана в ЕС	Плацебо: ln экспорта ЕС в Узбекистан
ln IMP^{EU}_t	—	0,701 (0,795)	1,063** (0,362)
t (тренд)	0,038 (0,042)	0,024 (0,046)	0,091*** (0,021)
GSP_t	1,158*** (0,268)	0,988** (0,333)	−0,232 (0,152)
Эффект GSP+, %	+218,4	+168,7	−20,7 (незначим)
R^2 / скорр. R^2	0,929 / 0,911	0,936 / 0,909	0,955 / 0,936
Дарбин–Уотсон	1,83	1,38	1,99

Примечание: в скобках — стандартные ошибки МНК; *, — значимость на уровне 1 % и 5 %. Расчёты автора по данным [18].

После учёта внешнего спроса и тренда коэффициент при GSP_t в основной модели равен 0,988: режим GSP+ связан с ростом экспорта Узбекистана в ЕС на 168,7 %, то есть примерно в 2,7 раза. С ошибками Ньюи–Уэста результат значим на 5 %-ном уровне (p = 0,033 при t-распределении с 7 степенями свободы). В плацебо-модели эффект GSP_t незначим; незначим он и для совокупного товарооборота (−9,3 %). Следовательно, рост связан именно с льготами для узбекского экспорта, а не с общим оживлением торговли. Тесты Бройша–Годфри, Бройша–Пагана и Харке–Бера нарушений не выявили.

Выводы и предложения

«Зелёная» трансформация и международная интеграция Узбекистана взаимно обусловлены. Опыт ЕС показывает, что стратегий недостаточно: требования должны доходить до каждого предприятия через рыночные правила, финансирование и торговые инструменты. Малый бизнес, создающий около половины ВВП, должен стать главным субъектом этой трансформации; иначе выгоды EPCA и ВТО будут ограничены экологическими барьерами. Из вышеизложенного предлагается:

1. Принять программу «Зелёный малый бизнес». По образцу Стратегии ЕС для МСП [3] закрепить в ней измеримые цели (доля малых предприятий, прошедших энергоаудит; число экспортёров, рассчитывающих углеродный след), стимулы, привязанные к результату (налоговые льготы и субсидирование ставок по кредитам на энергоэффективное оборудование), и ежегодный статистический мониторинг в составе отчётности Национального комитета по статистике.
2. Создать инфраструктуру учёта углеродного следа: бесплатные инструменты расчёта по требованиям CBAM, методические руководства и аккредитованные центры верификации для экспортёров.
3. Расширить «зелёное» финансирование: кредитные линии для МСБ через коммерческие банки, гарантийные фонды с международными финансовыми институтами, небольшие «зелёные» облигации.
4. Расширить круг экспортёров, пользующихся GSP+. Создать при организациях содействия экспорту службу «единого окна» для малого бизнеса: консультации по стандартам ЕС и правилам происхождения, помощь в регистрации в системе зарегистрированных экспортёров ЕС (REX), прохождении сертификации и поиске европейских покупателей. Результат оценивать по росту числа малых предприятий — экспортёров в ЕС и расширению товарной номенклатуры, а не только по объёму поставок.

5. Сделать сферу услуг двигателем «зелёной» интеграции. Используя либерализацию торговли услугами в рамках EPCA, стимулировать создание совместных с европейскими компаниями предприятий в энергоаудите, экологическом консалтинге, «зелёной» логистике и цифровом мониторинге выбросов. Кадры для этих направлений готовить через совместные с вузами ЕС программы по энергоэффективности и устойчивому предпринимательству, прежде всего на инженерных и энергетических специальностях.

Литература

[1] World Commission on Environment and Development. Our Common Future. Oxford: Oxford University Press, 1987.

[2] European Commission. The European Green Deal. COM(2019) 640 final. Brussels, 11.12.2019.

[3] European Commission. An SME Strategy for a sustainable and digital Europe. COM(2020) 103 final. Brussels, 10.03.2020.

[4] Regulation (EU) 2023/956 of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism // OJ L 130. 16.05.2023.

[5] Постановление Президента Республики Узбекистан от 04.10.2019 № ПП-4477 «Об утверждении Стратегии по переходу Республики Узбекистан на «зелёную» экономику на период 2019–2030 годов».

[6] Указ Президента Республики Узбекистан от 11.09.2023 № УП-158 «О Стратегии «Узбекистан — 2030»».

[7] Kemp R., Never B. Green transition, industrial policy, and economic development // Oxford Review of Economic Policy. 2017. Vol. 33, No. 1. P. 66–84.

[8] Altenburg T., Rodrik D. Green industrial policy: Accelerating structural change towards wealthy green economies // Green Industrial Policy. Geneva; Bonn: UN Environment; DIE, 2017. P. 1–20.

[9] OECD. No net zero without SMEs. OECD SME and Entrepreneurship Papers, No. 30. Paris: OECD Publishing, 2021.

[10] World Bank. World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. Washington, DC, 2020.

[11] European Commission, JRC. Annual Report on European SMEs 2024/2025. Luxembourg: Publications Office of the EU, 2025. JRC142263.

[12] European Commission. Uzbekistan joins EU's GSP+ arrangement. Brussels, 09.04.2021.

[13] European Commission. EU establishes strategic partnership with Uzbekistan on critical raw materials. 05.04.2024.

[14] European Commission. EU and Uzbekistan conclude deal on WTO accession; EU–Uzbekistan Enhanced Partnership and Cooperation Agreement signed. Brussels, 24.10.2025.

[15] World Trade Organization. Uzbekistan reaffirms 2026 WTO accession goal, thanks members for continuing engagement. Geneva, 07.2026.

[16] Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. Основные показатели субъектов малого предпринимательства в Республике Узбекистан за январь–сентябрь 2025 года: пресс-релиз. 24.10.2025.

[17] Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. Валовой региональный продукт Республики Узбекистан за январь–июнь 2026 года: аналитическая записка. 2026.

[18] European Commission, DG Trade and Economic Security. European Union, Trade in goods with Uzbekistan (Eurostat Comext). 20.05.2026.

[19] Newey W. K., West K. D. A simple, positive semi-definite, heteroskedasticity and autocorrelation consistent covariance matrix // Econometrica. 1987. Vol. 55, No. 3. P. 703–708.

[20] Wooldridge J. M. Introductory Econometrics: A Modern Approach. 7th ed. Boston: Cengage Learning, 2020.